

Радужные начались с Абдулова



о. н. абдулов.

ВПЕРВЫЕ я увидел Осипа Наумовича Абдулова на студийной сцене. Шел «Ученик дьявола». Роберта играл молодой Мордвинов, а генерала Бургойня тоже, вероятно, молодой Абдулов. Но тогда он не казался мне молодым, как не казался старым в более поздние годы. К Абдулову рано пришла зрелость. Конечно, его мастерство непрерывно росло и развивалось, но тоже, обращаясь к студийным временам, я не припоминаю у него ни одного свойственного молодости достоинства или недостатка. Бургойня играл зрелый мастер, владеющий отточенной техникой. Этим он меня и покорило.

Генерал Бургойня отнюдь не светлая личность — циник и реакционер. Но ему нельзя отказать в обаянии. Бур-

гойня умен. Однако чтобы хорошо сыграть Бургойня, мало играть умного генерала. Надо еще играть Шоу, который умен дьявольски. Своеобразие драматургии Шоу в том и заключается, что драматург никогда не растворяется полностью в своих героях. И Абдулов играл не просто умного генерала, он играл генерала, написанного Бернардом Шоу.

После «Ученика дьявола» я много раз видел Осипа Наумовича на сцене и на концертной эстраде. Он был превосходным Соринным в «Чайке» и достойным партнером Ф. Г. Раневской в маленьком эстрадном шедевре — инсценированном рассказе Чехова «Драма». Вряд ли можно назвать Сорина умным человеком. Да и писатель из рассказа не отмечен вы-

дающимся интеллектом. Однако в обоих случаях моим основным ощущением было — я видел умного человека. По-чеховски мягкого, но строгого.

Это были встречи с умным актером.

На совместной работе мы встретились только однажды. Было это сразу после войны. Мою комедию «Второе дыхание» ставил Театр имени Моссовета. При распределении ролей три основных исполнителя были утверждены без всяких разговоров: Мордвинов, Марецкая, Плятт.

Споры возникли, как только пошла речь о роли Радужного.

Радужный — начальник политотдела военной морской базы, участник гражданской войны, боевой комиссар, друг и наставник молодых офицеров. Я сказал, что представляю в этой роли только Абдулова. Все очень удивились.

— Почему именно Абдулова? В чем вы его видели?

— Я видел Бургойня. — Что общего у Радужного с Бургойнем? Бургойня — аристократ до мозга костей, сноб, циник. А тут нужна этакая, понимаете, кряжистая фигура...

— Я не хочу кряжистого. Я хочу умного.

— Мы вам найдем умного.

Спор затянулся. Я стоял на своем. Аргументация у меня была примерно такая: нет ничего страшнее постаревшего «социального героя», который накле-

ит «характерные» брови и усы, каких не носит ни один известный мне начальник политотдела, и будет рвать — либо слишком грозно (вариант героико-дидактический), либо чересчур добродушно (вариант девильный) — да еще, не дай бог, заговорит на «о». С Абдуловым я буду спокоен, что этого не случится.

Мы уже начали уставать и повторяться, когда против меня был выдвинут новый аргумент:

— А вас не смущает, что Абдулов прихрамывает?

Я немножко растерялся:

— Разве?

— Вы что же, не замечали этого? Да в том же Бургойне.

Я стал припоминать. Да, действительно, Бургойня ходил с палочкой. Вернее, с тростью. Хорошая трость с набалдашником. Но мне и в голову не приходило, что это какой-то недостаток актера. Скорее удачно найденная красота. Наследственная подагра английского лорда. Как у Хазершема в «Идеальном муже».

Видя, что я приюмлю, мои оппоненты оживились:

— Ну-с, что вы на это скажете?

— Хорошо, — сказал я. — Я сделаю то, чего никогда не делал ни для одного актера. Я впишу Радужному хромоту. Впишу прочно и навсегда. И посмотрю, как вы откажете в этой роли артисту, который хочет ее играть и имеет для этого решительно все данные.

Осип Наумович играл очень хорошо. Умно, тонко, с великолепным юмором. И был очень достоверен.

А все остальные Радужные с тех пор прихрамывают.

Визитная карточка, 1966, 13.08.62.